

**Муниципальное учреждение культуры муниципального образования
«Город Архангельск» «Централизованная библиотечная система»**

Акция «Читаем Шергина вместе»

Методические рекомендации

**Борис Шергин «Для увеселения»:
опыт медленного чтения.**

Увлекательная вещь - медленное чтение. Особенно, если автор достойный. **Читаем сказ Бориса Шергина «Для увеселения».**

Медленное чтение литературного произведения - это попытка погрузиться в глубину его содержания. При таком виде чтения порою даже маленький рассказ или стихотворение требуют немало времени. При поверхностном прочтении у нас, как правило, возникают эмоции и оценки, оживают те или иные образы, мы можем погрузиться в настроение, заданное автором. Глубокое же, медленное чтение дает нам возможность разобраться в деталях повествования, а благодаря этому иногда и увидеть его под новым углом зрения, открыть для себя невидимые сразу пласты содержания.

Читаем рассказ Бориса Шергина «Для увеселения».

При первом прочтении восхищаемся величию души братьев Личутиных, нашедших в себе силы достойно встретить свою смерть. Представляем себе пейзажи Белого моря, стаи гагар, сидящих на островках, кочующие льдины, красоту прилива на пике белых ночей. Упиваемся музыкой слова Шергина – мастера слова, непревзойденного знатока Архангельского поморья и языка его жителей. Но это только первое прочтение.

Далее мы понимаем, что этот рассказ – на самом деле сказ, и перед нами начинает вырисовываться образ рассказчика. Это помор и знаток ближайших морей, ведь недаром его управление географии «наряжает» его с капитаном Лоушкиным «ставить приметные знаки» на берегу. Рассказчик узнается по характерному для творчества Шергина смешению стилей («избыток деревянных аллегорий»), ошибок в употреблении фразеологизмов («одни чертежи остались на рассмотрение потомков»), неподражаемой поэтике северного сказа.

Но язык рассказчика изобилует также словами поморского диалекта, мореходными и географическими терминами. Это вполне понятно: рассказчик Шергина рассчитывает на слушателей-поморов, своих земляков, коллег и современников (конец XIX века). Если же мы захотим поставить себя на место таких слушателей, то вынуждены будем заглянуть в карты и словари. Конечно, мы можем легко догадаться, что «море Мурманское» - это Баренцево море. А что, если попробовать найти на карте приблизительное место гибели Ивана и Ондreja? (*используем при проведении мероприятия карту*).

Старинный путь из Белого моря в Баренцево проходит вдоль юго-восточного берега Кольского полуострова. Это и есть Терский берег (у большинства из нас имя «терский» больше сочетается с рекой Терек на Кавказе), который тянется от мыса Святой Нос (граница Белого и Баренцева морей) до мыса Лудошный. Протяженность его – 500 километров – определить место острова было бы трудно. Но в дальнейшем мы узнаем, что братья Личутины приходили на островок с Канского берега – берега полуострова Канин, то есть берега, противоположного Терскому. А значит место «помянутого корга» следует искать где-то в проливе между двумя этими берегами.

В первой из упоминаемых рассказчиком поездок слышим о льдине, которая «вынудила встать на восток». Восток – это восток – находим у Даля. Для того чтобы наглядно увидеть проблему, с которой столкнулись мореплаватели, идущие «первым весенним рейсом из Белого моря в Мурманское», рассмотрим выдержки из двух документов.

Первый из них – сводка информагентства ИТАР-ТАСС за 3 марта 2010 года:

«Самые тяжелые за последние пять лет льды метровой толщины преградили судоходные трассы в Белом море, теплоходы до трех-четырёх дней простаивают в ожидании ледоколов. Об этом сегодня корр. ИТАР-ТАСС сообщил руководитель архангельского штаба ледовых операций Николай Гуринов. По его словам, аномально холодная зима привела к образованию в Белом море и на акватории порта Архангельск льдов толщиной более метра, тогда как в прошлом году она не превышала 50-60 сантиметров...»

Другой документ – «Лоция Белого моря» для капитанов кораблей:

«Терский берег северной части Белого моря более приглуб и чист от опасностей, чем Канинский берег. Плавание вдоль этого берега обычно осуществляется по так называемому Терскому фарватеру. Плавание вдоль Канинского берега до мыса Конушин и далее к северу от острова Моржовец осуществляется значительно реже и преимущественно на судах с осадкой до 4,5 м, так как плавание здесь из-за банок и отмелей возможно лишь на значительном расстоянии от берега».

Так мы видим, что одна из весенних льдин перегородила мореплавателям привычный и наиболее безопасный путь по Терскому фарватеру. Понятно, что в семидесятых годах XIX века ледоколов еще не было, и кораблю пришлось обходить льдину с востока, рискуя нарваться на мель. Теперь ясно также и почему на востоке от Терского берега «стали попадаться отмелые места», в том числе и каменные островки, среди которых старик рулевой узнал и Личутинский корг, то есть с поморского: каменная грядка, отмель.

Знакомство с лоцией Белого моря объясняет также одну из причин, по которой у братьев было мало надежды на вызволение с острова. Беда случилась в Семенов день – то есть 14 сентября, в один из последних дней навигации на Белом море. С сентября оно становится опасным для мореплавания, тем более в «неблагоприятный», по словам рассказчика, год. А если учесть еще и удаленность Личутинского корга от Терского и Канинского фарватеров, по которым последние корабли могли возвращаться в становища, то можно понять, что шансов у братьев фактически не оставалось.

С географией мы более или менее определились. Но вот, в поморской речи рассказчика проскальзывает греческое слово «аллегория», причем в сочетании «избыток деревянных аллегорий». Что это: просто стилистическая ошибка или особый прием рассказчика? *Аллегория – это иносказательное изображение абстрактного понятия или, скажем, человеческих качеств через конкретный образ.* Если бы за греческим словом рассказчика не последовало расшифровки, мы предположили бы, что он просто желает блеснуть этим словом, не характерным для поморской речи. Однако расшифровка следует: «олень и орел, и феникс и лев...» Это ни что иное как символы, языческие и христианские. И если трактовать их как языческие (ведь «кумирические боги» тоже изображались на кораблях), то олень – это молодость и начинание, орел – сила и могущество, феникс – духовное бессмертие и воскресение, лев – храбрость. То есть это и есть воплощения

человеческих качеств в конкретном образе. Это качества, необходимые мореходам, и именно поэтому их образы изображали на кораблях братья Иван и Ондrejaн. Видно теперь, что в данном случае «деревянные аллегории» приходится абсолютно к месту.

Символ в сказе играет еще большую роль, когда рассказчик доходит до описания «Личутинской доски». Здесь мы сталкиваемся с древней символикой смерти – тонущий корабль и перевернутый факел. Тут же якорь – символ надежды и спасения (спасения в мире ином и надежды на жизнь вечную). И феникс – воскрешение. Думается, рассказчик не случайно заостряет внимание слушателей на символах. Ведь через них мы видим жизненный и духовный путь братьев Ивана и Ондrejaна. От молодости и силы, через храбрость – к спокойному приятию смерти и впоследствии – к надежде на воскресение и жизнь вечную. Тем более удачным видится этот символический прием рассказчиков, что речь идет о художниках.

Определяя место символа в сказе, можно пойти и дальше – сказать, что описание природных явлений здесь тоже очень символично. Для того чтобы подтвердить сказанное, обратим внимание на то, что в сказе прослеживается не одна, а как минимум две истории. Первая – история братьев из Мезени, вторая – история двоих поморов – рассказчика и капитана Лоушкина, то есть их паломничество на корг Личутиных. И во второй истории найдем немало природных явлений, которые сочетаются с настроением путешественников.

Начнем с того, что беда с братьями произошла в сентябре – осень на севере. Осень – символ умирания, начало смерти. А приезд рассказчика с капитаном приходится на канун Ивана Купала – пик лета, и это может символизировать расцвет жизни, но также и полное созревание, готовность принять высшие духовные истины. Готовность к этому рассказчика доказывает само его желание увидеть «достопамятную доску». Даты, указанные точно, могли быть просто случайностью, и рассказчик не стал бы их выдумывать сам. Здесь мы видим уже образ автора, употребившего сознательно или нет символ как литературный прием.

И вот двое поморов спешат приобщиться к таинству, еще не зная, что их ожидает. И попутный ветер несет их на корг – герои «побежали под парусом». Но в нужный момент ветер утихает. Рассказчик и Лоушкин «тихонько идут на веслах». Природа служит отображением их настроения – ведь таинство должно совершаться в тихой и торжественной обстановке. Даже птицы сидят неподвижно. Взводенок, легкий прибор исполняет тихую торжественную музыку, как будто таинству предшествует служба, а его акмэ

– слова, начертанные на доске. Когда же это таинство свершается, и на глазах паломников появляются слезы умиления, все вокруг приходит в движение: начинается большой прилив («море вздохнуло» по-поморски), шумит море, туманы и птицы поднимаются вверх. Туман – символ таинства, жертвы, птица – символ души. Души двоих поморов, исполненные высшей благодати, очищения, нового понимания и радости, воспаряют вверх. Происходящие с рассказчиком и капитаном Лоушкиным на корге мы сравниваем с церковной службой.

И не случайно – если присмотреться, то в рассказе присутствуют все необходимые для нее элементы. Но главное – результат – «веселье сердечное».

Здесь мы подходим к главному вопросу: почему же этот рассказ называется «Для увеселенья»?

Можно было бы предположить, что название рассказу дала исключительно строчка из послания на личутинской доске, что это слова, от которых капитан Лоушкин расплакался. Действительно, какое может быть увеселенье, когда ты осознаешь неизбежность скорой своей смерти?! Из контекста послания понимаем, что художественное оформление автоэпитафии было затеяно для того, чтобы избежать уныния – один из самых тяжких грехов в православии. Можно назвать это и увеселеньем, то есть способом развеять тоску.

Но видится в этом слове и другой смысл, а также и другая задача, которую поставили себе братья. Ее было бы трудно понять, если бы не случай с рассказчиком и капитаном, который мы рассмотрели выше. «Веселье сердечное» – это не совсем не то веселье, которое можно отнести к временным эмоциональным состояниям, недаром и сказ кончается словами о том, что этого веселья не потерять никогда. Это веселье далось рассказчику как прозрение, как переход на новый уровень бытия, благодаря таинству, а оно в свою очередь сложилось как из труда проделанного рассказчиком, так и из жертвы, принесенной братьями Личутиными. Ведь это действительно жертва – посвятить свои последние часы, страдая от голода, холода и жажды, посвятить их прекрасному, а если смотреть глубже – посвятить их человеку. Вся проделанная братьями работа – для того, чтобы вызвать в людях это «веселье сердечное», веселье от осознания духовного величия человека.

Как мы видим, в одном маленьком сказе Бориса Шергина помещается целый мир, и наш опыт медленного чтения – далеко не предельная глубина,

на которую может вывести этот способ изучения литературы. Мы хотели лишь увидеть принцип подобной работы, понять ее метод.

Итак, на первом этапе медленного чтения мы ищем непонятные слова – термины, топонимы и гидронимы, диалектизмы, жаргонизмы и пр. Это помогает нам сконцентрироваться и перейти ко второму этапу медленного чтения: думаем, почему в каждом конкретном случае стоит то или иное слово. Третий этап: находим глубинные связи между словами, приходим к пониманию идеи заложенной автором. В данной работе мы ограничились этим. Но может быть и четвертый этап – это поиск и понимание идей, которые руководили автором в написании произведения. Возможно, есть и последующие этапы.

Использованы материалы сайта: <http://i-article.livejournal.com/612.html>